

По-видимому, что-то сообщал
О времени - как года, так и дня -
Шем грохотом, с которым дверью хлопал.
Казалось, будто грубые мужчины
Входили, каждый резко двинув дверью,
И следующий вновь ее толкал.
Я насчитал девятерых из тех,
Кого я права не имел считать,
И сам переступил порог - десятым.
Где ужин мой? И где хозяйский ужин?
Нет лампы, что горела б над столом.
Печь холодна и завалилась набок,
И рухнула железная труба.
А люди, громко хлопавшие дверью,
Людьми для слуха были, не для глаза.
Они не упирались в стол локтями,
Они не спали на кривых полатях,
Нет ни людей, ни их костей - и все ж я,
Подумав о костях, вооружился
Изгвазданным смолою топориком,
Которое валялось на полу.
Не кости лязгали, а стекла в раме.
Умолкла дверь, припертая ногой.
А я стоял и думал, что бы сделать
Для дома и для тех, кого здесь нет.
Покинутая ветхая лачуга
Меня наполнила не меньшей грустью,
Чем древние руины там, где Азия
От Африки Европу отделяет.
Мне ничего не оставалось, разве,
Установив, что дом необитаем,
Далеким скалам громко объявит:
"Дом пуст! И тот, кто прячется в молчанье,